

Дунай Иванович

а) Дунаюшко.

Осталса Дунай от отца маленькой,
От матушки осталса глупенькой.
Он ходил гулял из орды в орду, из Литвы в Литву.
Он зашел к королю Ляховимскому.
Он служил ровно в девять лет —
По три года служил в стольниках,
По три года он в блюдника¹,
По три года он на новы́х сенях;
Днем на новых сенях,
А ночью на Настасьиных белы́х грудях.
Король любил его и жаловал,
Королевиха пушше́ того,
А душечка Настасья королевишна у души держит.
Заводитце у короля Леховимского почестен пир
На всех кнезей и богатырей
И купцей именитых.
Приглашают Дуная.
Унимает его Настасья королевишна:
«Ай же ты Дунай сын Иванович!
Не ходи ты на почестен пир.
На почестен пиру все бывают навеселе
И, бывают, приросхва́стливы;
А ты, Дунай, экой заносливой —
Ты похвасташ мной, красной девицей».
Дунай Настасью не слушалса.
Ключовой водой умывался
И в цветно платье снаряжалса он,
Приходит на почестен пир.
На пиру стали пьены́-веселы,
На почестном приросхва́стливы;
Умной хвастат родимой сестрой,
А безумной хвастат молодой женой,
Один Дунай не ест, не пьёт

И ничём не хвастает.

Тут походит к ему король Ляховимския —

«Ай же ты Дунай да сын Иванович!

Али место тебе не по отчины,

Или чарой тебя обнесли,

Што же ты не ешь, не пьешь

И ничем не хвастаешь?»

Тут возговорил Дунай да сын Иванович:

«Ай же ты король Ляховимския!

Мне место у тебя по отчины,

И чарой меня не обнесли,

А нечем мне, молодцу, хвастати

И нечем удалому похвалятися».

Тут возговорит король Ляховимския:

«Ай же ты Дунай да сын Иванович!

Ты бери ключи однозолотныя,

Иди ф погреба глубокия,

Бери казну-сбину², скочи сколько те надобно;

А нет — иди на конюшен двор,

Выбирай ты лошадь самолучшую

И хвастай ты им.

Возговорит Дунай да сын Иванович:

«Стыдно мне молодцу, будет чужим хвастатце

И конфузно удалому похвалятися,

А лучше дай ты мне чару зеленá вина

Рáвно полтора ведра,

А другую чару сладка мёду-та».

Тут подносят ему чару зеленá вина

Рáвно полтора ведра.

Принимает Дунай единой рукой,

Выпивает он на единой дух,

Запивает он сладким медом-то.

Тут возговорит Дунай да сын Иванович:

«Ай же ты король да Ляховинския!

Ты позволь мне слóвцо вымолвить

Бес той казн́и бес смёртныя

И бес той ли сабельки без острья». —

«Говори, Дунай, што те надобно». —

«Остался я от отца маленькой,

От матушки осталса глупенькой.
Я ходил гулял из орды в орду, из Москвы в Литву.
Я зашел к королю Ляховимскому.
Я служил ровно девять лет —
По три года служил в стольниках,
По три года я в блюдниках,
По три года я на новы́х сенях,
Днем на новых сенях,
А ночью на Настасьиных белы́х грудях,
Король любил меня и жаловал,
Королевиха пушше́ того,
А душечка Настасья королевишна у души дёржит».
Тут королю пало за беду да за великую,
Он зычал-скричал своим голосом:
«Ай же вы аловья-паловья³,
Ай же вы палачи да немилосливы!
Вы берите Дуная под руки,
Ведите его ф чистó поле
И секите его буйну голову,
Принесите ко мне на показ».
Тут Дунай со всеми распростилса,
Тут палачи подхватили Дуная пóд руки,
Повели его ф чистó поле
Сечь рубить его буйну голову.
Тут возгóворит Дунай да сын Иванович:
«Ай же вы áловя-пáловя,
Палачи вы немилостивы,
Вы берите казны-собины сколько вам надобно,
Ведите меня мимо Настасьин двор».
Тут палачи на казну призадорились,
Повели Дуная мимо Настасьин двор.
Он сзычал скричал своим голосом:
«Ты прости-прошшай мой белой свет,
И прости-прошшайте народ православныя,
Прости душечка Настасья королевишня!»
Повели Дуная во чистó поле
Сечь-рубить его буйну голову.
Тут Настасья во сне не слышала.
Скричал он во фторой након:

«Ты прости-прошай мой белой свет,
И прости-прошайте народ православныя,
Прости душечка Настасья королевична!»
Сзычал скричал он в трéтей раз —
Палаты с угла нá угол покоснулись
И в рамках стекла поломались.
Тут Настасья от сна пробуждалася,
Бросалася ф своё окошечко —
«Ай же вы палачи немíлосливы,
Вы берите казны сколько вам надобно,
Идите в кабак,
Купите голю кабацкого,
Отрубите его буйну голову,
Несите королю на показ, -
Отдайте Дуная мне нá руки;
Я зберегу и схороню его».
Тут палачи на казну призадорились;
Отдáли Дуная Настасьи королевичны,
Шли ф кабак,
Купили голю кабацкого,
Рубили его буйну голову,
Несли королю на показ.
Тут возгóворит Настасья королевична:
«Ай же ты Дунай да сын Иванович!
Ты скажи, есть ли у тебя на Святой Руси,
В городи во Киеви
Есть ли отец, матушка,
Есть ли молода жена и малы детушки?»
Тут возговорит Дунай сын Иванович:
«Есть у меня на Святой Руси,
Есть у меня отец, матушка,
Молода жена и малы детушки».
«Што же ты, Дунай, раньше не сказывал?»
Тут начелí они прошшатися;
Даёт она ему добра коня.
Отправляетце Дунай на Святую Русь, во Киев град;
Ф чистóm поли куревá⁴ стоит.
Приежжает он во Киев град,
Ко тому ли солнышку Владимиру.

- 1 Вместо «блюдниках»; в других пересказах – «в чашниках».
- 2 Собина – имущество.
- 3 Вместо «улановья, пановья».
- 4 Пыль.

б) Про Владимира.

В городе во Киеве
У того ли солнышка Владимира
Заводитца почестен пир на всех кнезей,
Всех сильниих, могучиих богатырей
И всех купцей именитых.
Солнышко идет со востока и до запада,
А пир идет у мѳлотцов навеселї.
Тут возгѳворит солнышко Владимир-князь:
«Ай же вы, бояра,
Сильния могучия богатыри
И вы, купцы именитыя!
Все у нас во Киеве вспожѳнены,
Все девицы замуж повиданы;
Только я один теперь холост хожу.
Кто бы прибрал мне супружницу,
Штоб лицом она была как белой снег,
Брови у ней были чорна соболя,
Глаза у ней были ясна сокола,
Умом умна, разумѳм статна,
Штоб можно былѳ её назвать кнегиною
И было бы кому вам поклонитися».
Тут большой туляетца за среднего,
А средней туляетца за малого,
От малого-глупого ответу нет.
Тут возгѳворит солнышко во фторой након:
«Ай же вы, бояра, сильния могучия богатыри
И вы, купцы именитыя!
Все у нас во Киеве вспожѳнены,
Все девицы замуж повиданы,
Только я один теперь холост хожу.
Кто бы прибрал мне супружницу,
Штоб лицом она была как белой снег,
Брови у ней были чорна соболя,

Глаза у ней были ясна сокола,
Умом умна, разумом статна,
Штоб можно было её назвать кнегиною
И было бы кому вам поклониться».
Тут большой туляецца за среднего,
А средней туляецца за малого,
От малого-глупого ответу нет.
Возговорит он в третьей раз:
«Ай же вы, бояра, сильния могучия богатыри
И вы, купцы именитыя!
Все у нас во Киеве вспоженены,
Все девицы замуж повиданы,
Только я один теперь холост хожу;
Кто бы прибрал мне супружницу,
Штоб лицом она была как белой снег,
Брови у ней были чорна соболя,
Глаза у ней были ясна сокола,
Умом умна, разумом статна,
Штоб можно было её назвать кнегиною
И было бы кому вам поклониться».
Тут большой туляецца за среднего,
А средней туляецца за малого,
От малого-глупого ответу нет.
Тут встает со скамеечки дубовыя
И выходит из-за угла столика красна дерева
По имени Дунай да сын Иванович,
Подходит он ко солнышку Владимиру —
«Ай же ты, солнышко Владимир князь!
Позволь мне слобцо вымолвить
Бес той казни бес смертныя,
Бес той сабельки без вострыя.
Я осталса от отца маленькой,
От матушки осталса глупенькой.
Я ходил гулял из орды в орду, из Литвы в Литву.
Я зашел к королю Ляховитскому;
Служил я у него ровно девять лет.
Есть у него две дочери:
Перва дочь — Настасья королевшна,
Лицом она как белой снег,

Брови у ей чорна соболя,
Глаза у ней ясна сокола,
Только, солнышко, не владать тебе будет ей;
А есть у него другая дочь
По имени Опраксея королевишна,
Сидит она в погребях глубоких¹,
Не кто ей люди не обзарили
И собаки не облаяли,
Лицом она белее снегу белого,
Брови чернее черна соболя,
Глаза яснее ясна сокола,
Умом умна и разумом статна,
Та будет нареченна жена,
Можно будет назвать ей кнегиною
И будет кому поклониться».

Тут возгворит солнышко Владымер-князь:
«Ай же ты, Дунай да сын Иванович!
Ты бери казны-собины сколько тебе надобно
И силы армии сколько требовно,
Сходи к ней, посватайся.
Если отдаст добра, ты добра возьми,
Не отдаст добра, тогда з бою возьми».

Тут возгворит Дунай да сын Иванович:
«Ай же ты, солнышко Владымер князь!
Мне казны, солнышко, твоей не надобно
И силы-армии твоей не требовно,
Ты дай лучше два брата мне крестовых:
Одного по имени Олешеньку Поповича,
А другого Никитушку-Добрынюшку.
Мы съездим, посватаемся,
Если отдаст добра, дак добра возьмём,
Не отдаст добра, дак з бою возьмём».

Тут берут оны добрых коней —
Только видели молодецкой коней седлаючи,
А не видели их поежжаючи —
Ф чистом поле курева стоит,
Желты пески росыпаютца.
Приежжают оны в прокляту Литву
Ко тому ли королю Ляховимскому;

Скачут черес стены высокия,
Приежжают к королю на двор.
Тут возгóворит Дунай да сын Иванович:
«Ай же ты, Олешенька Попович млад,
Оставайся на новом дворе,
А мы пойдём с Никитой на новы́ сени». —
«Ай же ты, Никитушка-Добрынюшка,
Оставайся на новы́х сенях,
Я пойду ф полату белокаменну
Ко тому ли королю Ляховимскому.
Я махну платком вольянтовым² —
Вы рубите старого и малого,
Не оставляйте проклятых тотар на сэмена».
Заходит он ф полату белокаменну,
Бьет чолом королю Ляховимскому:
«Здрастуй, король Ляховимския!» —
«Здрастуй, Дунай сын Иванович!
Зачем ты приехал сюда —
Торговать ли приехал — торгуй безданно беспошлинно,
Ли на житье ты приехал сюда —
Вот тебе три места три мёстечка:
Первое место — подле меня,
Второе место — напротив меня,
Третье место — куда хочетца».
Тут возгóворит Дунай да сын Иванович:
«Ай же ты, король да Ляховимския!
Не торговать-то я приехал сюда,
Не на житье приехал,
А приехал за добрым делом — за сватовством
На твоёй любимыя дочери Опраксеи королевишны
За того ли солнышка Владымера».
Возговорит король Ляховимския:
«Не отдам я любиму дочь
За того ли солнышка Владымера».
Тут походит Дунай ис полат белокаменных,
Машот он платком вольянтовым, —
Тут нашли рубить богатыри старого и малого:
Махнут — падёт улицами,
Отмахнут — падёт переулками.

Тут приходит Дунай в полаты белокаменны,
Говорит он таковы речи:
«Ай же ты, король Ляховимския!
Посмотри, как мои гуси
Твоё пшено клюют сорочинское!»
Король посмóтрил в свое окошечко:
Махнут богатыри — падёт улицами,
Отмахнут — переулками.
Тут возговорит король Ляховимския:
«Ай же Дунай да сын Иванович!
Ты уйми своих сильниих могучих богатырей.
Отдам я любиму дочь Опраксею королевичну
За того ли солнышка Владымера».
Тут походит Дунай да на новы сени,
Унимает своих товаришшей:
«Будет вам рубить-топтать проклятых тотар;
Достали, што нам надобно».
Заходят оны ф полату белокаменну,
Начали пить и веселитися.
Возговорит Дунай-от сын Иванович:
«Будет нам гулять здесь.
Подай ты, зачем мы приехали».
Тут дает король Дунаю ключи однозолóтныя.
Идет Дунай в погреба глубкия,
Заходит в полату Опраксеи королевишной,
Берет ей за белы руки
И становит ей на резвы ноги.
Тут возгóворит Опраксея королевишня:
«Ты скажи, Дунай-от сын Иванович!
За себя берёш ли за людей ведёшь?» —
«Не за себя беру, а за людей веду —
За того ли солнышка Владымера».
Тут возгóворит Опраксея королевишня:
«За руского, небось, ярыжника!»
Тут приводит он ей к королю Ляховимскому;
Начала она прошшатися.
Поехали на светую Русь.
Едут по чисту́ полю —
Во чистóм поле куревá стоит,

Желты́ пески россыпаютца;
Наехали они на ископы³ лошадиныя —
По колен он⁴ землю рвал.
Остановилсэ Дунай сын Иванович
На этой ископы лошадиныя,
Говорил он своим товаришшам:
«Нужно съездить по этой ископы лошадиныя —
Если руськой богатырь —
Звать к Солнышку на почестен пир;
А если неверной богатырь — то с ним поотведатце».
Тут возгóворил Олешенька Попопович:
«Мы не едем по этой ископы лошадиныя,
Мы останемся на почестном пиру
У солнышка Владымера».
Принужден ехать Дунай сын Иванович,
Не знат кому оставить Опраксею королевишну:
Оставить Олешеньки — он роду поповского,
Роду завидливого.
Оставил Никитушки-Добрынюшки.
Поехал по ископы лошадиныя,
Уехал в чисто поле.
Говорит он таковы речи:
«Если руськой богатырь —
Иди к Солнышку на почестен пир;
А неверной богатырь —
Давай с тобой приотведаемся».
Тут встает богатырь из белá шатра
И садитца на добра коня.
Начали они съезжжатися;
Первой раз съехались копямы вострыма,
Другой раз саблямы вострыма,
По яблокам сабли сломалися,
Никто никого не ранили;
Третей раз мечамы,
По яблокам мечи сломалися,
Никто никого не ранили;
Скокали они з добры́х коней
И начали боротися;
Дунай был бойкóй боротися,

Свалил он сильня могучого богатыря,
Садилса он на белую грудь,
Берет он булатной нож,
Хочет ткнуть белую грудь,
Сам себе и думает:
«Приеду я Солнышку на почестен пир —
Убью я сильнёго могучого богатыря,
А не знаю, кого именно».

Спрашивают:

«Ты скажи, коей орды,
Какого роду племени?»

Отвечает сильней могучой богатырь-от:

«Кабы я сидел на твоих белых грудях,
Не спрашивал не роду, не племени
Порол белую грудь,
Вынимал я сердце со печенью,
Кидал бы по чисту полю».
Богатырское сердце розгоряетца,
Хочет ткнуть белую грудь,
Тут кладет руку богатырю на белую грудь, —
Увидает Дунай свое именнó кольцо.

Скачет с белых грудей,

Становит ей на резвы ноги —

«Што же ты, Настасья королевична, мне не скажисься?»

Тут сядились они на добрых коней

И поехали во Киев-град

Ко тому ли солнышку Владимиру.

Приезжают на почестён пир

И начали пить и веселиться.

За тема ли пирамы Добрыня с Настасьей поженилися.

Пир идет навесели,

Тут возговорит Настасья королевична:

«Кто из вас, из руських сильних богатырей
Можот стрéлить в кольцо однозóлотное?»

Тут Дунай берет ружье,

Первой раз стрéлил — поверх кольца,

А второй раз — в правой бок кольца.

Унимает его Настасья королевична:

«Не стреляй ты, Дунай, в третей раз,

Ты стрелишь мне в бѣлу грудь.
Я принесу тебе два сильниих могучиих богатыря».
Богатырское серцо розгоряетца,
Стреляет он ф третий раз — в белу грудь.
Берёт булатной нож,
Порёт белую грудь Настасьи королевишной,
Вынимает он два чада два малых.
Потом ставит булатной нож вверх копьём
И бросаитца сам на булатный нож.
Тут Дунаю и Настасьи славу́ поют.

Записана А. В. Марковым от мещанина г. Кеми Архангельской губернии, Вас. Алексеевича Норкина, 70 лет. Норкин заучил былину от покойного кемского же мещанина.

1 Вместо «в тереме высоком» или «в новой горнице», как в других пересказах.

2 Вместо «тальяновым?» Эпитет платка – тальянский.

3 «Ископа» - вместо «ископытъ», ямы от копыт лошади.

4 Т. е. конь.